
ФИЛОСОФИЯ

Ф. Ф. Корочкин

Победитель конкурса поддержки публикационной активности молодых исследователей (проект 3.1.2, ПСР РГПУ им. А. И. Герцена)

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ КАРТОГРАФИИ

Статья подготовлена по результатам проекта РГНФ № 12-03-00411

Проблема возникновения и развития пространственного мышления, вопросов философии места, а также поиска эффективных исследовательских программ для изучения истории культуры является актуальным направлением в отечественной и зарубежной гуманитарной науке. Материал истории картографии оказывается в этом ракурсе значительным исследовательским ресурсом. Анализ эстетических проекций картины мира в картографии позволяет выделить ключевые антропологические основания формирования современной аксиосферы. Автор рассматривает ценностные и эстетические предпосылки возникновения картографии в контексте генезиса пространственного мировосприятия.

Ключевые слова: историческая эстетика, пространственное мышление, картина мира, аксиосфера, философия места.

F. Korochkin

Axiological and Anthropological Background of Spatial World Perception and the Genesis of Cartography

The problem of origins and the development of spatial thinking, philosophy of space issues as well as the process of searching the effective research programs for the study of history of culture is a relevant trend in domestic and foreign humanities. The material of historical cartography is a significant research resource in this respect. An analysis of the aesthetic projections of the Weltbild (worldview) in maps allows to highlight the key anthropological bases of formation of modern axiosphere. This article focuses on the value and aesthetic prerequisites of cartography in the context of the genesis of the spatial world perception.

Keywords: historical aesthetics, spatial thinking, worldview, axiosphere, philosophy of space.

Чувственное познание, определенное Баумгартеном как предмет эстетики, для человека начинается по времени прежде рационального. Говорить о его возникновении справедливо, вероятно, с появлением пря-

мохождения. В этом смысле *homo aesteticus* оказывается старше *homo sapiens*. Подтверждение этому находим у М. Элиаде в рассуждениях о возникновении сознания. С переходом к прямохождению «пространст-

во приобрело структуру, недоступную для антропоидов: четыре горизонтальных вектора, отходящих от центральной вертикальной оси. Иначе говоря, пространство выстроилось вперед, назад, направо, налево, вверх и вниз от человеческого тела. Из нового и порождающего опыта — ощущения себя “ввергнутым” в необозримую, неведомую и угрожающую беспредельность — развились разные способы *orientatio*; потому что нельзя сколько-нибудь долго прожить посреди хаотического коловращения, без всяких точек отсчета» [4, с. 10]. Эстетическое восприятие выступает формой, организующей этот пространственный хаос. Структурные законы бытия начинаются с формы, с которой начинается и эстетическое пространство.

Говоря о зарождении ориентационных чувств, мы должны также иметь в виду и то, что чем более широким оказывается «диаметр сознания» (Ю. Н. Тынянов), тем более необходимым становится не только воспринимать пространство сквозь призму его ритмической организации, но и фиксировать это восприятие в том или ином виде. Следовательно, структурная организация пространства возможна только при наличии его смыслового центра. Первично эта модель является антропоцентричной в буквальном смысле слова, затем центральную позицию начинают занимать некие онтологические и аксиологические константы картины мира, в которой существует человек.

Различия в окружающем ландшафте, разделение труда, демографические и иные условия привели к формированию топологически обусловленных групп, где каждая группа в целом как бы специализировалась на какой-то определенной добыче, на производстве уникальных для себя орудий, украшений и пр. Таким образом, производимое одной группой, но недоступное для другой могло получать статус тотемного, то есть тщательно охраняемого [1]. Тотем становится в ценностном смысле центром обитаемого мира древнего человека, и так по-

являются понятия *границы*, «своего» и «чужого». Картирование мира в этом случае выступает как наглядный способ определить границы «своего» не только для самого себя, но и для своих соплеменников. Иными словами, наглядная определенность «своего», чужого и границ между ними для картографа становится доступной окружающим его людям, что оказывается для них основанием для формирования единой картины мира. «Когда все остальные методы общения ничего не дают, на помощь приходит универсальный язык примитивной карты или схемы» [2, с. 35].

Наиболее древние наскальные изображения, достоверно идентифицируемые как картографические, датируются приблизительно 15000 годом до н.э. Находки Филипа Стука [11] и Михаэля Раппенглюка [10] подтверждают тезис о том, что «изготовление карт — возможно, древнейшая разновидность примитивного искусства, поскольку с самого начала у этого искусства была цель. Это искусство столь же старо, как первые линии, проведенные человеком на песке или на стене пещеры»* [2, с. 34]. Крайне трудно предположить, что обнаружив, например, источник воды, древний человек мог не поделиться этим знанием с соплеменниками или что кочевые племена могли пересекать степи и пустыни, не фиксируя для себя расположение оазисов. Возможность коллективной охоты или войны также сомнительна при отсутствии хорошей ориентации в пространстве и возможности ее репрезентации. Кроме того, в наскальных рисунках 30–9-го тысячелетий до н.э. обнаруживается высокая степень сходства, что отмечает М. Элиаде, ссылаясь на работу французского археолога и палеолога Андре Леруа-Гурана (1911–1986): «По мнению Леруа-Гурана, речь идет о распространении через контакты единой идеологической системы, а именно — системы, знаменующей собой “пещерную религию”» [4, с. 15]. Разговор о религии, даже «пещерной», сохраняющейся на протяжении тысячеле-

тий, невозможен без существования способа ретрансляции знаний о мире, пространстве и положении человека в нем, то есть без карты. Однако сама способность древнего человека схематически изобразить пространство не всегда вела к изготовлению собственно карты. В ходе исследований среди современных примитивных племен было выявлено [9], что отсутствие карт, выполненных на физических носителях, может говорить о высокой степени топографической ориентации человека: «When a traveler asks for directions to reach this or that place many Indians of South America, Negro tribes, Siberian natives or Australians rapidly sketch a map on the sand or snow, paper or birch bark. They seem to think that this graphic delineation will be more helpful than mere verbal guidance» [9, с. 170] — «Когда путешественник спрашивал, как добраться в то или иное место, многие индейцы Южной Америки, негритянские племена, коренное население Сибири или австралийцы моментально принимались рисовать карту на песке или снеге, бумаге или бересте. Судя по всему, они полагали, что это графическое изображение будет куда более полезным, нежели устные разъяснения» (*здесь и далее перевод с англ. — Ф. К.*)

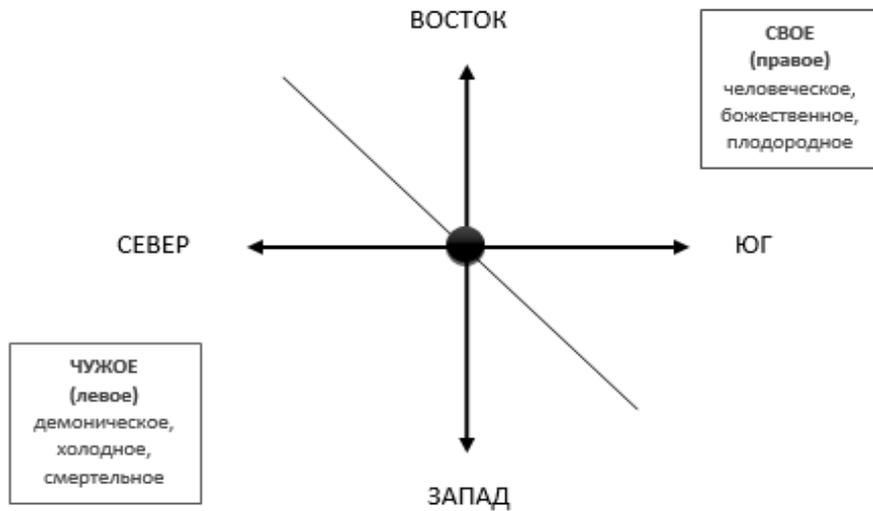
Географ и историк картографии Лев (Лео) Багров датирует древнейшие дошедшие до наших дней карты местности шестым тысячелетием до нашей эры. В своей «Истории картографии» он настаивает на том, что могли изготавливать только те цивилизации, которым была не чужда математическая наука и астрономия. Вавилонские карты местности 6–2-го тысячелетий до нашей эры, согласно Багрову, имели в куда большей мере прагматические функции: «...maps served specific purposes and were thus functional or thematic in character: military maps, cadastral plans for land-registration, route-maps for merchants and so on» [5, с. 81] — «...карты служили конкретным целям и носили функциональный или тематический характер: военные карты, кадастровые пла-

ны для регистрации земель, карты маршрутов для продавцов и так далее». Помимо примеров карт местности, сохранилась известная вавилонская карта мира на глиняной табличке, датируемая Багровым примерно 500 г. до н.э.** Отметим, что при окончательно не установленном исходном назначении карты, а также при многих неточностях в самом схематическом изображении, центром карты, то есть мира оказывается Вавилон. Иными словами, справедливо утверждение о том, что сущностной характеристикой национальной картины мира является представление «своего» географического пространства в качестве центрального и даже «мирообразующего», то есть «свое» оказывается отправной точкой в процессе конструирования образов мира.

Наблюдение восхода солнца на востоке через ритмически закономерные промежутки времени с необходимостью ведет к формированию восприятия этой стороны света, во-первых, как сакрального пространства, где живут боги и происходят события предначальной истории [12], а во-вторых, к появлению еще одной точки отсчета в пространстве и, следовательно, в мире вообще. Восток становится универсальным *ориентиром*, что закрепилось во многих языках в корне *orient*. Это сформировало представление об оси *восток — запад* как передней и задней сторонах света, а *юг — север* — как правой и левой соответственно, что частично сохраняется в традициях некоторых культур*** вплоть до наших дней. При этом закономерным оказывается деление мира именно на четыре части — большинство исследователей склоняется к объяснению этого естественной симметрией человеческого тела [7]. Западное и северное в этом случае наделяются потусторонними, «античеловеческими» характеристиками. Не случайно, в «Одиссее» царство Аида располагалось именно «на крайнем западе, за рекой Океан, омывающей землю» [10, с. 508], племена богини Дану в тексте «Битвы при Маг Туирег» приплыли именно с севе-

ра, где постигали «премудрость, магию, знание друидов, чары и прочие тайны, откуда не превзошли искусных людей со всего света»; в то же самое время в «Саге об Инглингах» Асгард позиционируется как восток относительно реки Танаис. Юг и восток становятся отражениями всего, что связано с жизнью — земной или небесной,

юг приносит тепло, восток — солнечный свет, в то время как север связан с холодом, запад — с заходом солнца, то есть с неблагоприятными условиями для земледелия, а также с разнообразными опасностями. Иными словами, по правую руку оказывается «свое», а по левую — «чужое» (см. рис).

Значение сторон света в некоторых мифологических моделях мира

Сходный символизм встречается во многих канонических и священных текстах различных религий. В качестве примера можно привести суру 56 из Корана: «Те, которым будут вручены Книги записи их деяний в правую руку, будут на возвышенном почётном месте. И какая это прекрасная степень для них! А те, которым будет вручена Книга записи их деяний в левую руку, будут на самом низком презренном месте» (56:8–9). Апокрифическое гностическое Евангелие от Филиппа также отождествляет правое со Светом и Жизнью, а левое — с Тьмой и Смертью.

Первобытные и архаические представления о символике сторон света во многом предопределили векторы развития не только культурного ландшафта, но и истории картографии на несколько тысячелетий вперед. В соответствии с описанной традицией, расположение запада внизу является

одним из нормативных способов ориентации карты вплоть до XV века.

Центральной точкой в пространственной модели мира может быть как наблюдатель, так и нечто, выполняющее функции Оси Мира, *axis mundi*, или *universalis columna*. Предложенное функциональное толкование сторон света в архаических мифологических моделях мира не является универсальным и не должно быть воспринято в буквальном смысле. Неоднородность центральной точки подразумевает ситуацию, при которой, например, древо Иггдрасиль в скандинавской мифологии одновременно растет на востоке и при том занимает центральную позицию в мироздании.

Анализ древних карт подтверждает понимание механизма развития образов мира по принципу расширяющейся ойкумены [3]. «На самых ранних картах изображение родного городка можно с тем же успехом

рассматривать как карту мира, ибо человек, нарисовавший карту, изобразил на ней именно это: свой мир — плоскую поверхность, центр которой или точку наблюдения можно обозначить как X и пределы которой ограничены кругом горизонта, видимого из этой точки. Круг горизонта и круг мира расширялись в прямой пропорции к росту мобильности человека» [2, с. 18]. В этом смысле процессы развития пространственного мышления и картирования мира первобытного и древнего человека оказываются крайне близкими аналогичным процессам у ребенка. Очевидно, что именно расширение «круга мира», о котором пишет Браун, увеличение диаметра человеческого сознания, а иными словами, — развитие и усложнение образа мира — повлекло за собой необходимое становление первичных мифологических моделей мира, где позиция наблюдателя оказывается коррелятивна позиции центра мироздания. Образы мира не калибруются в соотношении Я с Другим, а диктуются замкнутым пространством мифологической картины мира в рамках оппозиции «своего» и «чужого».

Эстетические и антропологические основания поиска человеком своего места в мире оказываются непосредственно связанными с вопросами этимологии и генезиса пространственного мировосприятия. Ключевые составляющие такого восприятия (такие, например, как представления о «центре» и «границе», «верхнем» и «ниж-

нем», «правом» и «левом») в процессе своего становления обогащаются архетипическим содержанием, влияние которого на некоторых этапах развития картографии может быть не слишком заметным, но при этом и не ослабевающим.

Дихотомия «свое» — «чужое», выступающая важнейшей архетипической и аксиологической константой, по сей день является во многом определяющей социальную и духовную жизнь человека. Современная карта государства по своим ценностным основаниям мало чем отличается от полной неточностей схемы общины и близлежащих территорий, поскольку уже эта примитивная схема представляет собой одновременно проекцию единства обжитого общиной пространства и единства картины мира членов этой общины.

Пространство всегда структурируется от центра: человек поднялся с земли на высоту собственного роста и обнаружил мир, простирающийся во все стороны от него. В этом смысле человек как наблюдатель изначально и является центром карты, вечной экзистенциальной точкой обзора, от которой выстраивается система координат. Постепенно центр перемещается к значимым ценностным константам, происходящим из актуального культурного контекста или выраженным на языке соответствующей мифологической модели мира, однако сущностно эта точка всегда остается незыблемой и структурообразующей.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Однако сам вопрос о сходстве природы искусства и картографии остается предметом для дискуссии. См., например, работу [6].

** Заметим, что датировки в книге относятся к первому ее изданию в 1944 году и не изменены редактором в переиздании. Более поздние исследования датируют карту иначе — в промежутке между VIII и VI в. до н.э. См., например, литературу [8].

*** К примеру, в современном валлийском и, частично, ирландском языке в обозначениях левой и правой рук сохраняются корни «север» и «юг» соответственно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бернал Дж. Наука в истории общества. М.: Иностранная литература, 1956. 724 с.
2. Браун Л. А. История географических карт. М.: Центрполиграф, 2006. 477 с.

3. *Валицкая А. П.* Новая школа России: культуротворческая модель. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. 146 с.
4. *Элиаде М.* История веры и религиозных идей. М.: Критерион, 2002. 2-е изд., исправл.: Т. I: От каменного века до Элевсинских мистерий. 424 с.
5. *Bagrow L.* History of Cartography / Под ред. R. A. Skelton. New Jersey: Transaction Publishers, 2009. Enlarged Second Edition. 312 с.
6. *Fairbairn D.* Rejecting Illusionism: Transforming Space into Maps and into Art // Cartography and Art. Lecture Notes in Geoinformation and Cartography. Berlin: Springer, 2009. P. 19–34.
7. *Gordon B. L.* Sacred Directions, Orientation, and the Top of the Map // History of Religions. № 3 (1971). Chicago: University of Chicago Press, 1971. Т. 10. № 3. P. 211–227.
8. *Horowitz W.* The Babylonian Map of the World // Iraq № 50 (1988). London: British Institute for the Study of Iraq. P. 147–165.
9. *Hutorowicz H. de, Adler B. F.* Maps of Primitive Peoples // Bulletin of the American Geographical Society № 9 (1911). V. 43. P. 669–679.
10. *Rappenglueck M. A.* Eine Himmelskarte aus der Eiszeit? Wien: Peter Lang GmbH, 1999.
11. *Stooke P. J.* The International Atlas of Lunar Exploration. Cambridge University Press, 2007.
12. The Pyramid Texts, utterances 571–575 // The Pyramid Texts. Translation by Samuel A. B. Mercer, 1952. P. 231–237.

REFERENCES

1. *Bernal Dzh.* Nauka v istorii obshchestva. M.: Inostrannaja literatura, 1956. 724 s.
2. *Braun L. A.* Istorija geograficheskikh kart. M.: Tsentrpoligraf, 2006. 477 s.
3. *Valitskaja A. P.* Novaja shkola Rossii: kul'turotvorcheskaja model'. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2005. 146 s.
4. *Eliade M.* Istorija very i religioznyh idej. M.: Kriterion, 2002. 2-e izd., ispravl.: T. I: Ot kamennogo veka do Elevsinskih misterij. 424 s.
5. *Bagrow L.* History of Cartography. New Jersey: Transaction Publishers, 2009. Enlarged Second Edition. 312 s.
6. *Fairbairn D.* Rejecting Illusionism: Transforming Space into Maps and into Art // Cartography and Art. Lecture Notes in Geoinformation and Cartography. Berlin: Springer, 2009. P. 19–34.
7. *Gordon B. L.* Sacred Directions, Orientation, and the Top of the Map // History of Religions №3 (1971). Chicago: University of Chicago Press. Т. 10. P. 211–227.
8. *Horowitz W.* The Babylonian Map of the World // Iraq № 50 (1988). London: British Institute for the Study of Iraq. P. 147–165.
9. *Hutorowicz H. de, Adler B. F.* Maps of Primitive Peoples // Bulletin of the American Geographical Society № 9 (1911). Т. 43. P. 669–679.
10. *Rappenglueck M. A.* Eine Himmelskarte aus der Eiszeit? Wien: Peter Lang GmbH, 1999. 531 s.
11. *Stooke P. J.* The International Atlas of Lunar Exploration. Cambridge University Press, 2007. 440 s.
12. The Pyramid Texts, utterances 571–575 // The Pyramid Texts. Translation by Samuel A. B. Mercer, 1952. P. 231–237.

Васинева П. А.

Победитель конкурса поддержки публикационной активности молодых исследователей (проект 3.1.2, ПСР РГПУ им. А. И. Герцена)

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНТРОПОЛОГИИ НЕМЕЦКОГО РОМАНТИЗМА

Статья подготовлена по результатам проекта РГНФ № 12-03-00411

Статья посвящена изучению ключевых аксиологических аспектов, характеризующих романтическую картину мира. Необходимость такого исследования связана с пере-